

МИР
и потусторонняя
ВОЙНА

ДАРЬЯ РАСКИНА

LIKE
BOOK

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р24

Художественное оформление *А. Андреева*

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:

© Color Symphony / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Иллюстрации на переплете и форзацах *Enolezdrata*

Литературное редактирование от *Е. Звонцовой*

Раскина, Дарья.

Р24 Мир и потусторонняя война / Дарья Раскина. — Москва : Эксмо, 2026. — 512 с.

ISBN 978-5-04-222091-3

Когда в Живой России шла война, в Потусторонней царил мир, теперь же все наоборот. Наполеон пал, но Лесной империи грозит смертельная опасность. Ее величество Иверия погружена предателями в мертвый сон, принц Константин, ложно обвиненный в ее убийстве, приговорен к казни.

Петр и Александра только вырвались из потустороннего мира, но теперь им предстоит вернуться, чтобы спасти тех, кто стал так дорог. Их пути снова расходятся, но цель одна — успеть до того, как царь Кошей обрушит на столицу всю мощь своей мертвой армии.

Однако они не знают, что тайный враг уже проснулся в проклятых землях. Он древнее самого зла и несет погибель всей Потусторонней России, если она вовремя не объединится. Грань между нежизнью и смертью истончается с каждым днем.

Можно ли спасти мир, если цена — собственное сердце?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Раскина Д., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-222091-3

Пролог

ПОДЛАЯ ПИЯВКА И ДУЭЛЬ БЕЗ ПЕРЧАТОК

— Стреляться вы так же будете, господин Половодов, без перчаток?

Егор глянул на ладони. Вот же, опять потерял где-то, олух. А еще наследник престола, великий князь, племянник императрицы. Злость сменилась кусачим стыдом, по-щучьи вцепившимся в уши.

Вот только проклятой Пиявке этого показывать нельзя ни под каким видом. Егор расправил плечи.

— Пусть мои перчатки вас не беспокоят. — Драться с кровососом он, конечно, не стремился: не слишком-то хотелось из-за одной ершистой эпиграммы отправляться в карцер, но и отступать казалось малодушием. Да кто же знал, что Пиявка так взбесится от четырех безобидных строчек! — Не извольте беспокоиться, господин Цепеш, если придется, я обессилю вас и голыми руками.

Пиявка посмотрел с надменным прищуром.

— Ах да, как же, я и забыл. В вашей семье не чураются пачкать руки.

Егор не сразу понял, о чем он.

— Что сие значит? Какие еще руки? Бойтесь драться, так и говорите...

Теодора выступила вперед, вставая перед братом.

— Ах, да это он шутит. — Она потянула Пиявку за локоть: — Пойдем, Раду, скоро праздник...

Но тот не двигался, продолжал смотреть в упор на Егора.

— Я только говорю, что императрица, я слышал, тоже сняла перчатки как раз перед тем как... хм... перед тем, как батюшка ваш добровольно — исключительно добровольно! — передал ей всю свою силу и скоропостижно испустил дух.

В затылке полыхнуло, будто от удара веслом, жесткий воротник лицейского сюртука врезался в шею. Челюсть задрожала так, что Егор не сразу смог ответить. Стало вдруг все равно, что они в библиотеке, что вокруг полно лицейстов — кто обсуждает вечерний бал, кто корпит над домашним заданием, кто готовится к отъезду на зимние каникулы — перед глазами Егор видел только наглуую Пиявкову рожу, на которую как можно скорее хотелось смотреть с расстояния десяти шагов.

— Подлец! — рявкнул он, едва удерживая порыв накинуться по-детски, с кулаками. — Тетушку не смей...

— Уважайте покой тысячелетних стен, господин Половодов! — взвизгнули на него из-за небольшой конторки. Плоская седая голова Харлама Жупеловича, хранителя библиотеки, вытянулась на тоненькой шее — точь-в-точь бледная поганка с юбкой из разлапистых бакенбардов — и неодобрительно качнулась. — Библиотека это вам не бальный зал, не извольте горячиться!

Егор с усилием опустил руки, одернул форменный сюртук.

— В полночь, — глухо сказал он, едва узнавая свой голос. — В астрономическом кабинете.

Пиявка кивнул в знак согласия.

— Потрудитесь все же достать перчатки.

Глядя вслед удаляющимся кровососам, Егор лихорадочно размышлял. Да, да, за оскорбление он заставит Пиявку

расплатиться, это несомненно. А значит, кроме поиска перчаток у него до полуночи появились и другие заботы. Первым делом — найти секундантов. Тех, кто не проговорится, не осудит и не побежит докладывать директору. К счастью, такие у Егора есть — даже целых трое. Жаба и Галька, без сомнения, проводят его к барьеру, а Рыжая Бестия поделится перчатками — с ней у Егора похожий размер пальцев. Заручиться помощью можно хоть сейчас: заседание тайного союза вот-вот должно начаться, друзья ждут в заброшенном крыле в конце этого самого библиотечного прохода.

И все же Егор не спешил туда. Прежде следовало решиться на дело важнее — и опаснее. Пришло оно внезапно, когда Пиявка произнес: «Я слышал...» Сам Пиявка врун первейший, и обвинения его в адрес тетушки полный вздор, в этом нет сомнений, однако в одном он сказал правду: он *слышал*. О той ночи, ночи, когда батюшка окончательно обессилел, шепчутся. Даже Егор *«слышал»*: княгиня Нежитская говорила кому-то об этом, как о «ночи, когда императрица сняла перчатки».

Клевета! Бесстыжие наветы! Глупые злобные люди, они не знают, как отец любил свою названую сестру, как доверял ей. Да, Иверия Алексеевна — суровая правительница, великая императрица. Да, она женщина холодного разума, а порой и холодного сердца. Да, между ними с батюшкой было много споров и взглядами на войну с Кощеем они не сходились, да, отец сам ни за что не послал бы Водяное царство на битву — и все же никогда, никогда бы тетушка не причинила ему зла! Одна мысль, что подлецы вроде Пиявки безнаказанно распускают подобные грязные слухи, кипятила Егору кровь!

И он докажет! Раз и навсегда узнает, что случилось той ночью. Пусть придется нарушить правила лица и даже рискнуть жизнью, он сделает это, чтобы в полночь, одержав победу над Пиявкой, метнуть в лицо поверженному врагу доказательства невинности императрицы.

➤ ДАРЬЯ РАСКИНА ➤

Решившись, он сунул руку в карман, проверяя, не обнаружится ли там сбежавшая перчатка, но нашел лишь скомканную бумажку.

Богатой родословной блещет,
Умом же — голь и нищета,
Людскую кровь, как воду, хлещет,
А лучше б книжку почитал.

А ловко все же вышло, не зря Пиявка взбесился. За такое можно и в карцер.

ГЛАВА 1

СОЮЗ «НЕЧИСТАЯ СИЛА»

Потустороннего испугать нелегко, и все же Егор бежал так, будто за пятки его кусали кощеевы скелеты. Сердце шмякалось о ребра, жабры горели: план его предполагал неотложную дружескую помощь, за ней-то Егор и торопился. «Скры-скры-скры», — ворчал под ботфортами разошедшийся паркет библиотеки. Ноги сами мельтешили, усмирив бег лишь однажды, под напряженным взглядом Харлама Жупеловича.

Почтительно кивнув хранителю, Егор сбивчивым шагом отправился дальше — вдоль полок, украшенных в честь вечернего бала еловыми ветками и волчьей ягодой. Прижимая к животу фуражку, он устремился в угрюмую темноту библиотеки, туда, где запахи древесной сырости и затхлого воска стали отчетливей и гуще.

Поднырнув под арку с гербом лица — Алконостом и Гамаюном, объединенными в двухглавую птицу, он шмыгнул мимо фолиантов времен самого Берендея, а там — дальше, в забытое ответвление библиотеки, где не слышался бой часов, скрип перьев или шепот засидевшихся за домашним заданием лицейцев.

Чернота вокруг сгущалась, сокровища на полках дряхлели, а Егор все не останавливался. Напротив, обогнув ростовой портрет директора Дуба Алексеевича, основателя Потустороннего лица, он снова побежал, потев и задыхаясь,

скорее, скорее — до тех пор, пока в конце прохода не забрезжила робкая свечная клякса. Туда-то он и стремился. Только не следит ли кто? Опасливо обернувшись, он задержал обжигающее, распирающее грудину дыхание и застыл. Вгляделся в неподвижные тени, вслушался в кладбищенскую немоту спящих книг, убедился в сохранности тайны и, с облегчением сдув щеки, двинулся вперед — туда, где за низким столом сгорбились три фигуры.

Заслышав его торопливые «скры-скры-скры» по паркету, сидевшие подняли головы, кое-кто даже привстал. Все трое были одеты, как и он, в форму, правда, один под полуночно-синим сюртуком носил брюки, а двое других — строгие юбки. Три фуражки лежали у края стола трехъярусным тортом, одна с нацарапанной под красным козырьком ящерицей, вторая — с лягушкой, третья — с медведем. Егор уложил сверху свою, с речным угрем, а потом, встав перед компанией, сжал бока, сиюсь сказать хоть слово.

— Под... вал, — прохрипел он. — Нужно в под... под...

На него поглядели с неодобрением.

— Ты хоть раз в жизни можешь не опаздывать?

За год жизни в лицее Егор привык к «тыканью» и отсутствию титула. Да и перед кем прикажете хорохориться здесь, в лицее, объединяющем царских отпрысков чистой потусторонней крови? Перед Галиной Подкаменной, племянницей Хозяйки Медной Горы? Марусей Троебуровой, дочьрью главы медвежьей артели? Вильгельмом Чернополк-Камышовым, внучатым племянником болотной царицы? Нет, лицеисты все равны, а уж члены тайного союза «Нечистая сила» тем более, так что напоминать о титулах в сих стенах было делом наинижайшим. Таким даже педант Август Венерский, с его предками из древнеримских атлантов, не баловался. Не говоря уж о том, что за несоблюдение первого правила лицея: «Равные по форме, равные по духу» можно было запросто угодить в карцер.

Вот почему теперь вместо того, чтобы возмущаться, едва отдышавшийся Егор выпалил:

— Мне нужно попасть в подвал лица!

Хрупкая на вид, но непоколебимая нравом Галина Подкаменная, по прозвищу Галька, бросила на него осуждающий взгляд.

— Не нарушай регламента заседания, — сказала она наставительно, наморщив тоненький, словно вытесанный лепестковой стамесочкой носик. — Потрудишься прижать плавники и ждать своей очереди.

— Галька, миленькая, у меня ведь дело жизни и смерти...

— Либеральное будущее Потусторонней России важнее твоей жизни и уж тем более твоей смерти, — возразила Галина, откидывая за плечо гладко-блестящую, точь-в-точь хвост ящерицы, косу. «Миленькая» не задобрила ее ни на каплю. К встречам союза она относилась ответственнее всех, опозданий не одобряла, нарушения регламента и вовсе воспринимала личным ущемлением. — Мы уже начали обсуждение «Материи и нечистой силы» Крампуса, не прерываться же посередине? Изволь ждать, раз задержался.

Споры с ней не имели смысла — в этом Егор убедился еще в детстве. Из всех соседей Лесное царство ладило с Медной Горой лучше других, так что до войны им с Галиной часто приходилось проводить время вместе. И уже с младых ногтей крошечная царевна проявляла склонность к начальствованию: организовывала детей то в потешную артель, то в мануфактуру. А все в подражание своему идеалу — старшей сестре Татьяне. Ту за прорывные мысли и несгибаемый характер прозвали Гранитом, Галине же, с легкой руки Егора, досталось мелкокалиберное «Галька». Досадовала она на это чрезвычайно и в долгу не осталась: стала звать его — из-за истории, о которой он предпочитал не вспоминать, — «меся Мочены-панталоны».

Все это было в прошлом, в беззаботном детстве, отсеченном годами войны и недоверия даже меж соседями. После мирного договора же многое изменилось, и впервые переступив порог лица, Егор с удивлением разглядывал девочку со смуглой кожей, змеино-малахитовыми глазами, глянцевогой косой и запахом сладко-теплым, словно нагретый на солнце

камень. Удивление это подпитывалось пуще тем, что помимо детских проделок их с Галиной связывало кое-что другое: тайно уговоренная родителями в год их рождения помолвка. И если раньше сие обстоятельство служило исключительно *une source d'embarras*¹, то теперь...

А что теперь?.. Бес его разберет, но в ту первую встречу щеки у Егора разгорелись так, что хоть ватрушки на них пеки, а ночью в голову лезли наиглупейшие строчки — то про глаза-самоцветы, то про косу — змеиный хвост, то про кожу — медный шелк.

Правда, наутро оказалось, что помимо косы у Галины отросло и желание командовать — в особенности им, Егором. На первой же рекреации она объявила, что намерена создать секретное либеральное общество для дискуссий о будущем силы и государства и что он уже записан первым членом. Егор согласился, при одной кондиции: новом для себя прозвище. Втайне он надеялся на емкое «Половод», раз уж фамилия звучная — царская! — но на ближайшем построении отчего-то так оробел, что на приказ Дуба Алексеевича назваться вместо «Половод!» изо всех жабр возьми да и гаркни: «Водолопов!» Смеху было — стены тряслись. И прозвище Водолоп закрепилось мгновенно. Однако Егор не жаловался: все благозвучнее, чем «меся Мочены-Панталоны».

— Ты опоздал, — назидательно сказала Галина, — а значит, слова покамест не имеешь. Жди. И непреодолимую свою склонность к эпиграммам тоже придержи до срока.

Она глянула еще суровее, каменным взглядом тетки, Хозяйки Медной горы, на которую так не желала походить. Тем самым взглядом, который побудил Егора как-то настроичить: *«Коли все идет без смуты — добродушна наша Галька, опоздай хоть на минуту — пробуждается Хозяйка»*. Цитировать это он, впрочем, не торопился: наживать смертного врага в лице невесты — пусть даже до свадьбы еще как до Буяна — было бы недальновидно.

¹ Источник смущения (фр.).

— Обсуждаем далее, — Галина обратилась к остальным участникам союза. — На чем мы остановились?

— На том, что Крампус отчего-то отрицает дуализм силы, — заметила Маруся, заправляя выбившиеся огненные пружинки за оттопыренные уши. Несмотря на все усилия, прическа ее, как и всегда, больше походила на курчавую медвежью шапку, чем на установленную по лицейским правилам куафюру. — И причины я все никак не уразумею.

Запустив руку в карман, она извлекла на свет четыре мятые конфеты в золотых обертках и положила перед каждым на стол.

— Сегодняшняя контрабанда, — хмыкнула она довольно. — Дядька Иннокентий едва не застучал, да я успела укрыть под фуражкой.

Маруся Урсовна Троебурова при знакомстве неизменно представляла себя в силу крепкой картавости «Маг'уся Уг'совна Тг'оебуг'ова» и всегда пристально следила за эффектом: на засмеявшегося человека еще долго морщила нос, к сохранившему же серьезность сразу теплела. Прозвище у нее было Рыжая Бестия, и приклеилось оно не столько за пламенную шевелюру, сколько за поразительное умение незаметно для учителей и инспектора проносить в лицей все, что угодно, от коврижек и кофия до подцензурных книг вроде «Потустороннего Декамерона» или вольнодумных трактатов Крампуса. Сей талант и обеспечил ей почетное место в союзе. «*Конфеты, пуд раков и пять чернокнижий вместились в фуражку у Бести Рыжей!*» — так отозвался Егор при виде Марусиного улова в первый вечер.

— Еще miss Morrigan писала, что дуализм — совершенная редукция, — возразила Галина, привычным жестом подвигая свою конфету к Егору: к сладостям она склонности не имела, он же с детства не мог пройти мимо таких соблазнов.

— Пусть так, но нас всегда учили, что мы порождения первобытного хаоса, его дети. Мы зеркало живого мира, его отражение, разве не в этом наша суть?

Егор с досадой вздохнул. Ну все, пиши пропало... коли дело дошло до «хаоса» и «сути», то тут хоть помирай, а сиди и жди, пока не наговорятся. Насупившись, он бухнулся на стул, прежде развернув его вперед гнутой спинкой.

Сам он философские изыскания считал ни во что; и на уроках, и на собраниях союза они с завидным постоянством вводили его в рассеянность и уныние. Живых ради тепла мучить нельзя, это он понимал и без тысяч страниц рассуждения об истоках силы и первобытном хаосе, без зеркал и дуализмов. В сравнение с пустым фразерством даже поиск икса в алгебраической задачке наполнялся бóльшим смыслом — по крайней мере понимаешь, что ищешь. Что же до треклятого Крампуса, то его Егор и вовсе не дочитал: неизменно засыпал на седьмой странице, носом прямо в картинку с раззявленной хищной мордой. «Первобытный хаос» рождал хаос в голове, и даже теперь, хоть он и пытался внимать друзьям, мысли расплывались мальками. Однако в прошлый раз, когда он вперед отведенной ему очереди брякнул: *«На кой мне хаос первобытный, коль на уме лишь ужин сытный?»*, его едва не исключили из союза, так что теперь Егор помалкивал.

— Крампус не отрицает дуализма, — рассуждала тем временем Галина. — Он считает, что зеркало не говорит о всей нашей связи. Отражаемый и отражение не рожают ничего нового, в то время как наше взаимодействие с живыми преобразует материю. Гегель, понимаешь? Тезис и антитезис рожают синтез.

— Пустые заявления, в подобные теории я не очень-то верю.

— Нам пристало руководствоваться не верой, а логикой, — ровно заключила Галина и повернулась к Вильгельму. — А ты что думаешь, Жаба? Ты за зеркало или синтез?

Прозвище «Жаба» Вильгельму Чернополк-Камышову дали не только за болотное происхождение, но и чтобы впредь не зазнавался: по приезде в лицей он со своим ростом адмиралтейского шпиля, с греческим носом и водорослевыми глазами с поволокой смотрел на всех свысока, а на предложения Его-

ра подружиться поджимал губы и по-франтовски откидывал роскошную каштановую челку. Мол, война войной, а болотному царевичу с водяным и в мирное время не по пути. Говорил так явно в отместку за судьбу дяди, изгнанного из страны принца Бориса. На что Егор резонно отвечал, что не заставлял Бориса Кощеевича похищать себя и запирать в подводную клетку, а значит, и не может быть в ответе за опалу зарвавшегося принца. На это каланча Вильгельм фыркнул и процедил сквозь зубы: «Шельма водяная». Разве такое обращение пристало с товарищем-лицеистом, да еще и соседом через перегородку? Пришлось пару раз побить его в плавании, а потом и на состязании поэтических чтений. От очередного проигрыша и присовокупленного к нему *«Что скрывает франту челка? Что под ней лишь балаболка!»* надменный Вильгельм озверел и бросился с кулаками, за что немедленно загремел на двое суток в карцер, на хлеб и воду. Егор сутки торжествовал, а вечером второго дня стянул с ужина малиновый пирожок, прокрался в подвал и просунул под дверь несчастному заключенному. На тихий вопрос: «Кто тут?» честно ответил: «Водяная шельма». Там пораженно ахнули, секунду посомневались, а потом торопливо приняли подарок. Стоило заточению болотного царевича окончиться, как Егор обнаружил, что побогаче на верного друга и подельника по шалостям, а союз «Нечистая сила» — на нового собрата.

И все же в назидание Вильгельма прозвали Жабой.

— И зеркало, и синтез — суть редукция, — протянул он, закидывая конфекту в рот и по обыкновению откидываясь к спинке стула. В руках у него мелькало крошечное шило — то самое, которым он выцарапал каждому участнику союза особый знак под козырьком фуражки. Теперь же он царапал на краю столешницы фривольное слово. — В тринадцатой главе Крампус пишет, что у силы нет начала, есть только вечность. А как хаос непрерывен, так и у нас не может быть высшего предназначения что-то отражать или вступать с чем-то в синтез, быть тьмой или светом. Путь созидания или деструкции не есть неизбежность, это выбор...